

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО ВОЗМОЖНО ЛИШЬ В МИРНОМ МИРЕ!

Ребята из семидесяти трёх стран мира были гостями артековцев в августе нынешнего года. На большой общий праздник, посвящённый Международному году ребёнка, приехал в «Артек» дорогой гость — **Леонид Ильич БРЕЖНЕВ.**

С волнением слушали участники праздника слова Леонида Ильича, обращённые ко всем детям мира.

— Дорогие ребята! Юные друзья!

Я горячо и сердечно приветствую вас, всех детей мира — надежду и будущее планеты!

Мне приятно встретиться с вами, видеть ваши радостные лица, слышать ваши звонкие голоса. Вы говорите на разных языках, но понимаете друг друга, потому что нашли общий язык — язык дружбы.

Прекрасен девиз вашего праздника — «За счастливое детство в мирном мире!». Он очень подходит к этому году — Международному году ребёнка.

Мир — это счастье детей, счастье всех людей. Без мира нет детства. Нет будущего. А ведь у миллионов и миллионов людей детство было украдено войнами. Очень важно, чтобы это никем не забывалось.

Каждое поколение вносит свой вклад в историю, и вам тоже предстоит писать свои страницы в биографию человечества. Настанет время, из рук старших вы примете эстафету социального и научного прогресса, возьмёте на себя заботу о своей стране, о мире.

Взрослые мечтают, чтобы каждый из вас был счастлив, вырос настоящим человеком. Что это значит — стать настоящим человеком!

Это значит — верно служить идеалам свободы и справедливости. Любить свою Родину, свой народ, уважать всех, кто трудится, и хорошо трудится на благо общества. Быть нетерпимым к жестокости, злу, эксплуатации, ко всяким формам унижения человека.

Это значит — быть активным во всех проявлениях многообразной и сложной жизни, творчески и с внутренней убеждённостью подходить к делу, как можно больше приносить пользы людям.

Это значит — быть честным, справедливым, верным в дружбе. Уважать человека, видеть в нём равного себе, на каком бы языке он ни говорил, какого бы цвета кожи ни был.

Это значит — уметь не только радоваться чудесам окружающего мира, но и видеть, как много предстоит сделать для того, чтобы жизнь стала лучше, мир — прочнее, люди — счастливее. Мужественно преодолевать трудности, от которых не избавлено ни одно поколение.

Все эти качества вы должны воспитывать в себе уже сейчас. Всё начинается с детства! И начало всему — учёба, овладение знаниями, культурой.

Вот почему мы, люди старшего поколения, ваши друзья, говорим: учитесь, чтобы знать, учитесь, чтобы уметь, учитесь, чтобы творить и бороться за то, что близко вашему сердцу и вашей душе. Растите здоровыми, крепкими. Закаляйте себя в спорте, в походах, в труде. Будьте умными, смелыми, отзывчивыми. Становитесь в ряды борцов за народное дело, за мир на земле! Будьте настоящими людьми!

Радости вам, дорогие ребята, счастья, мира и доброго солнца!

УЧИТЕЛЬ

АЛЕКСЕЙ ШЛЫГИН

От бедняцкого порога,
От чувашского села
Шла крестьянская дорога,
Паренька в Симбирск вела.

Так тянулся Ваня к книжке,
Словно к солнышку росток...
Люди добрые парнишке
Подсказали адресок:

— Тут помогут, тут поймут,
Тут Ульяновы живут.

Вот стоит он у ворот,
Постучался:
— Есть народ?

Белобрысый мальчик вышел:
— Здравствуй! — руку подаёт. —
Заходи скорее в дом!
— Наслежу...
— Идём, идём!
— Э, постой-ка, звать зови,
Да рукав не оторви...

Упирается... и кстати
Обметает с лаптя снег.
— А по школам твой ли батя
Самый главный человек?

Так случайно-неслучайно
Мальчугану повезло.
Ваня принят в класс начальный
Вековой судьбе назло.

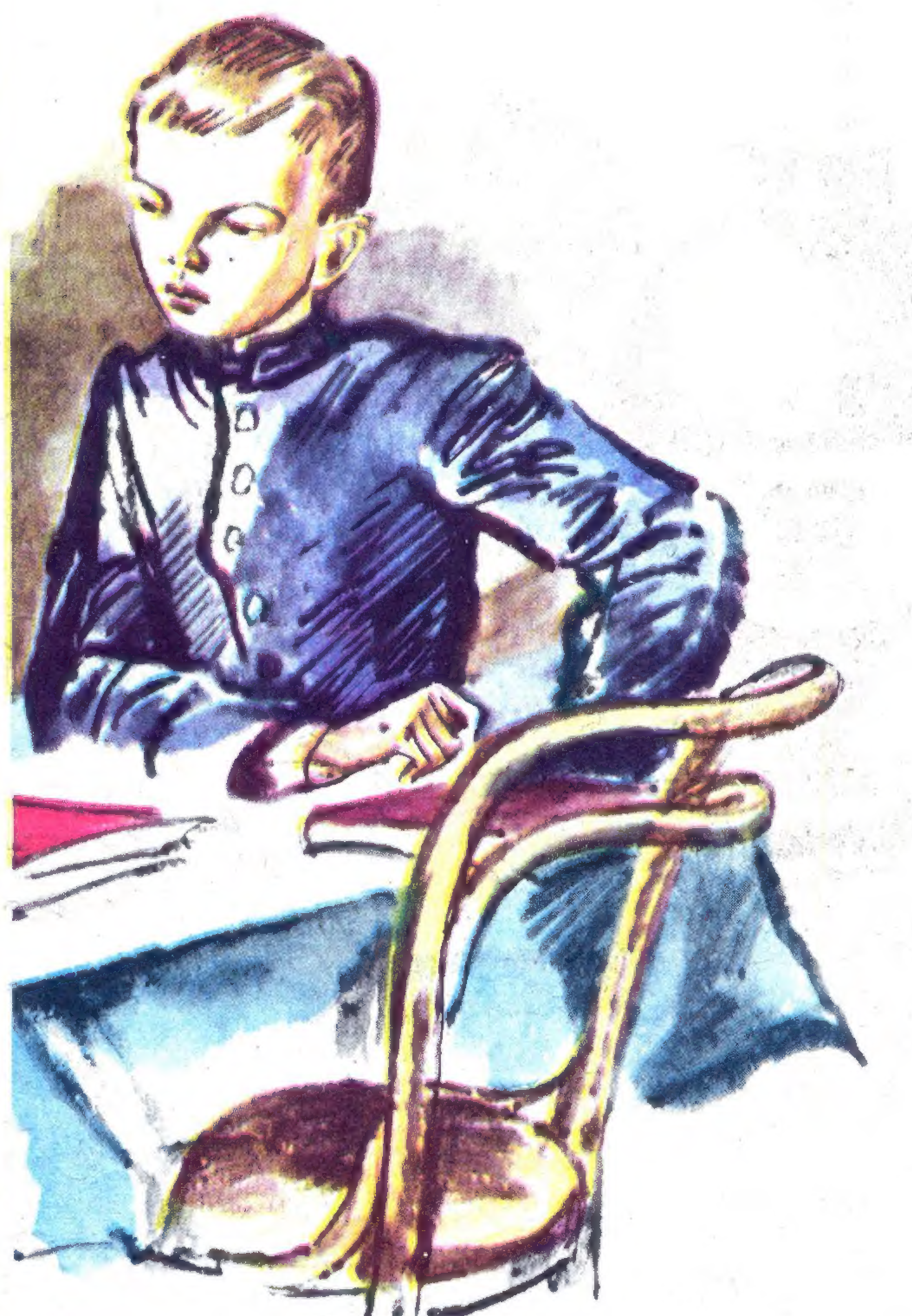
У Ульянова Володи
Время даром не проходит.

В воскресенье, точно в срок —
Дополнительный урок.

— По азам пройдём сперва,
Азбуку разложим...
Это, Ваня, буква А.
На шалаш похожа...

Ученик не бьёт баклуши,
От души учитель рад.
Знает азбуку Ванюша
И вразбивку, и подряд.

Всё загадочно, всё ново:
Буква к букве —
Вот и слово.
«Братство», «Правда»,
«Счастье», «Честь»...
Букв — немного,
Слов — не счесть.

— Э, постой-ка, не спеши
Ставить буквы-вешки.
Коренные чуваши
Не привыкли к спешке.

Ту премудрость раскушу, —
Обещает Ваня, —
Но сначала напишу:
«Батя» и «маманя»...

Пишет — бьётся над листком
С придыхом, с оглядкой,
Помогает языком
И под стулом пяткой.

Что кривая городьба —
Буковки-уродцы...
— Напиши теперь: «Борьба»...
И — давай бороться!

Отодвинута тетрадка,
Суета, победный крик...
То учитель на лопатках,
То сдаётся ученик.

И выводит вновь рука:
«Дружба», «Свет», «Победа»...
Не кончалась бы строка,
Но... пора обедать.

*

Сколько зим и сколько лет
Пронеслось по свету!..
Получил Ильич конверт —
«От кого бы это?..»

Почерк ровен и красив.
Отправитель: «Дюжин Ив.».

Из письма лицо проглянет,
Улыбнётся между строк...
Ну, конечно, это Ваня,
Бывший сельский паренёк!

Пишет он: «Детей учу...
Жму сердечно руку...»
Шлёт спасибо Ильичу
За его науку.

Рис. В. ГАЛЬДЯЕВА

СЕРДЦЕ

С. РОМАНОВСКИЙ

Учительница Светлана Николаевна повела третий класс в луга на экскурсию. В дороге дети собирали и ели дикий лук — все, кроме Людмилы.

— Люда, ты чего не ешь? — спрашивал Никита.

Громко, чтобы слышала Светлана Николаевна, девочка ответила:

— Не люблю, когда от людей луком пахнет!

От шагов и голосов из травы птицы выпархивали, и одна птица на взлёте запуталась в тонких стеблях, как в силке, забилась, заколотилась... Алёша кинулся освобождать пленницу, но его опередил Никита, закрыл птицу ладонями, приоткрыл их и с торжеством понёс Светлане Николаевне.

— Я поймал! — сообщил он миру и оглядел столпившихся ребят. — Воробей. Слышу, как у него сердце стучит: тук, тук, тук. Раз, два, три! Будет он у меня жить, и назову я его Сашкой...

Только он это сказал, как воробей выпорхнул из рук и улетел. Никита собрался было зареветь, но раздумал, когда Светлана Николаевна сказала:

— Не мог ты, Никита, по счёту слышать, как у воробья сердце стучит.

— Это почему? — огорчился Никита.

— Потому что стучит оно у него очень быстро — восемьсот раз в минуту. Различить удары нельзя.

С некоторой тревогой в голосе Никита спросил:

— А моё сердце как стучит?

И взялся за грудь.

— Надо пульс проверить, — сказала Светлана Николаевна. — Жилку на запястье.

Людмила потрогала правую руку мальчугана и доложила учительнице:

— У Никиты никакого пульса нет.

Ребята тормошили Никиту, прикладывали ухо к его широкой спине и шумели:

— Нет у него пульса!

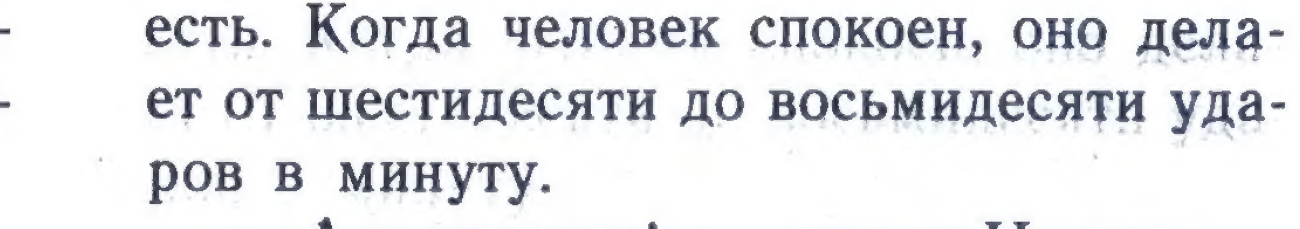
— Есть!

— Сердце бьётся. Бу! Бу! Бу!

— А пульса нет.

Светлана Николаевна улыбалась, а когда ребята поутихли, сказала:

— Если сердце бьётся, значит, пульс

есть. Когда человек спокоен, оно делает от шестидесяти до восьмидесяти ударов в минуту.

— А я спокоен! — заявил Никита.

Класс двинулся дальше по тропинке.

Запыхавшись прибежал Никита и на ладони протянул Светлане Николаевне лягушонка. Лягушонок сидел смирно и был прозрачный, словно выточенный из зелёного льда.

— Вот... лягушонка Сашку поймал, — отдувался Никита. — А у него как сердце?

— Сорок ударов в минуту, — ответила Светлана Николаевна.

А Алёша подумал: «Почему Никита всех Сашками зовёт — и воробья и лягушонка? Ладно, после спрошу. Сейчас-то когда? Сейчас некогда. Сейчас ребята учительницу вопросами замучили. Как это она всё помнит?»

— Светлана Николаевна, как у слона сердце бьётся?

— Двадцать пять ударов в минуту.

— А у рака?

— Пятьдесят.

— У ежа?

— Триста. Ты чего ворчишь, Никита?

— А чего у всех по-разному, Светлана Николаевна? — недоумевал Никита. — Билось бы у всех по-людски. Одинаково.

— А зачем одинаково? — удивилась учительница.

— Чтобы... — начал Никита и задумался. В самом деле: зачем? — Чтобы...

— Что «чтобы»? — Глаза учительницы смеялись.

Никита стряхнул лягушонка в траву, стукнул ладонь о ладонь и решительно завершил:

— Чтобы много-то не запоминать, у кого сколько в минуту!

И потупился от дружного смеха ребят. А Светлана Николаевна серьёзно объяснила:

— У всех одинаково не получится. Все же разные! Слон большой. У него и сердце большое, тяжёлое. Стучит оно медленно. А воробей маленький, и сердце у него маленькое. Живёт он короче и быстрее, чем человек. Вот и сердце у него торопится.

Трава расступилась, и открылся Исток — тихая протока, что вела из озера Брод в речку Тойму. Воды не было видно. Протока была покрыта листьями кувшинок, зелёными, плотными, без единой червоточины. На них золотыми светильниками теплились цветы.

— Что вы знаете о кувшинках, ребята? — спросила Светлана Николаевна, и класс заговорил быстрее быстрого:

— Они красивые!

— Они на воде растут!

— В них жуки ползают!

— Они жёлтые, кувшинки...

Алёша вспоминал, что у них на кордоне это растение зовут «бахто́вый корень» и, отливая медью, толстые корни его стелются по дну. Мать рассказывала, что в голодное время, когда Алёши на свете не было, эти корни извлекали на свет, сушили, перемалывали в муку, пекли лепёшки и спасались ими от недоедания, а то и от гибели. Алёше захотелось рассказать обо всём этом, да застеснялся, прособирался говорить, и время ушло.

«Потом расскажу, в следующую экскурсию», — наказал он сам себе и прислушивался к голосу Светланы Николаевны:

— ...В старину кувшинку звали одолень-трава и считали волшебным цветком. Древние воины брали в походы не

только оружие, но и память о родине — одолень-траву. Прятали её у самого сердца. И говорили над ней такие слова:

«Еду я во чистое поле, а во чистом поле растёт одолень-трава. Одолень-трава! Одолей ты злых людей: лихо бы на нас не думали, скверного не мыслили. Отгони ты гордея-ябедника. Одолень-трава! Одолей ты горы высокие, долы низкие, озёра синие, берега крутые, леса тёмные... Спрячу я тебя, одолень-трава, у ретивого сердца, во всём пути и во всей дороженьке».

Учительница передохнула и показала рукой на Исток:

— Красивые, старинные слова, как сами кувшинки.

— Светлана Николаевна, — сказала Людмила. — В прошлом году мы отдыхали в деревне. И я там умывалась медвяною росой.

А Никита спросил:

— Вы это, Светлана Николаевна, из головы выдумываете или наизусть помните?

Класс замер от такого вопроса. Учительница погладила Никиту по голове и сказала:

— Эх, Никита, Никита! Мне при всём желании таких слов из головы не выдумать — не поэт я, а учительница.

Никита подождал, не скажет ли Светлана Николаевна ещё чего-нибудь, помедлил, показал ей голенастого зелёного кузнечика, которого он держал за спинку двумя пальцами, и спросил:

— У этого товарища как сердце работает?

Светлана Николаевна ответила:

— Не знаю...

— Как? — изумилась Людмила. — Вы? Не знаете?

Ворохнулась рыба в воде под листьями кувшинок, и они закачались вместе с цветами-светильниками и только-только успокоились, как рыбина ворохнулась ещё и ещё.

— Щука, — сказала Светлана Николаевна. — Щука играет. Приду домой, посмотрю справочник и завтра вам расскажу про сердце кузнечика.

На обратном пути Никита вспотел, стал отставать. Алёша было ушёл вперёд вместе со всеми, но придержал шаг, дождался товарища.

— Никита, — спросил он не сразу. — Ты почему всех Сашками зовёшь?

— Не всех, — уточнил Никита, — воробья да лягушонка. А кузнечика я Сашкой не называл: он не поймёт, наверное, кузнечик-то. Насекомое!

И вздохнул Никита.

— Нравится мне имя Саша, — признался он. — У меня брата нет. Был бы брат — я бы его Сашей звал. И сестрёнки у меня нет. Была бы сестрёнка — я бы её тоже Сашей звал...

Алёша, у которого тоже не было ни братьев, ни сестёр, ничего на это не сказал. Промолчал Алёша. А спустя некоторое время поторопил Никиту:

— Чего мы отстаём-то? Что мы, хуже других, что ли? Догоним ребят?

— Догоним, конечно...

И друзья побежали догонять класс. Впереди лёгонький Алёша, за ним, отдуваясь, грузный Никита.

Теперь солнце не окуналось в травы, не плутало в стеблях, цветах и листьях, а стояло над лугами и раскалялось всё более и жарче... А земля под ногами была упругая и сырая.

Рис. В. ЧИЖИКОВА

О ЧЁМ КРИЧИТ ПЕТУХ

А. ОЗОД

Петух кричит, петух поёт,
Поспать мне утром не даёт.

— О чём кричит он, мама?
Что он твердит упрямо?

— Ты что хитришь? — он говорит. —
Ведь ты не спишь! — он говорит. —
А ну давай, — он говорит, —
Вставай, вставай! — он говорит.

Бегом к воде! — он говорит. —
А мыло где? — он говорит. —
И зубы чисть! — он говорит. —
Поел — и мчись! — он говорит.

Мчись на урок! — он говорит. —
Да чтоб был прок! — он говорит.

Перевёл с таджикского В. ДАНЬКО
Рис. Е. ГЛАДИКОВОЙ

Лет восемьдесят назад у нас и за границей вовсю процветали выступления силачей. Как же они проводились? Например, Александр Иванович Засс предлагал большие деньги всякому, кто его собьёт с ног ударом кулака. Надо сказать, что Александр Иванович был человеком ниже среднего роста, не очень тяжёлым, лысоватым и меньше всего походил на силача. И вот известный английский боксёр Том Бернс решил показать публике — а дело происходило в английском цирке — свою силу, а заодно и получить обещанный Александром Ивановичем приз. Он ударил Засса в живот и сломал себе руку. Кстати сказать, Александр Иванович поднимал платформу, на которой стояли 20 человек. Другой силач, Иван Заикин, носил на плечах по арене 25-пудовый якорь. Эстонец Георг Лурих поднимал пятерых человек одной рукой. Тогда ещё не могли решить, как состязаться в силе, и атлеты сами придумывали упражнения: разрывали колоды карт, завязывали металлические прутья в узел, поднимали лошадей. Силачи в те времена были известнейшими людьми. Их портреты украшали не только страницы газет и журналов, но и витрины магазинов.

Мы рассказали тебе о минувших днях тяжёлой атлетики. В третьей колонке страницы — рассказ о дне сегодняшнем.

Рис. М. ТОПАЗ, Э. БЕНЬЯМИНСОНА

В музее Олимпии, в Греции, находится большущий камень, напоминающий гирю. На нём надпись: «Бибон поднял меня над головой одной рукой». Атлет, носивший такое имя, жил в VI веке до нашей эры. Учёные многократно убеждались, что древнегреческие надписи в большинстве случаев документально точны.

Все знают друга и соратника В. Чкалова по героическим перелётам лётчика М. М. Громова.

Выдающийся лётчик, генерал-полковник, профессор Михаил Михайлович Громов был чемпионом страны по тяжёлой атлетике.

Во время Крымской войны (больше ста лет тому назад) один артиллерийский офицер под обстрелом перекатывал тяжёлые пушки с одной позиции на другую, а потом упражнялся со штангой: на банник, которым чистят пушки, повисали два солдата, и офицер поднимал их над головой. Это был Лев Толстой.

Ныне соревнования богатырей происходят иначе: теперь они поднимают штангу, которую можно точно взвесить. И это не менее захватывающее зрелище, чем завязывание узлом металлических прутьев.

Не так давно считалось, что самый сильный человек на земле — американец Пауль Андерсон. Он ещё в шестнадцать лет весил 97 килограммов и выпивал ежедневно по восемь литров молока. Его называли чудо-человеком и живым подъёмным краном. Ещё бы! В трёх движениях тяжелоатлетического троеборья он поднимал более пятисот килограммов. За ним ходили толпы зевак. Приезжал Андерсон и к нам и был первым среди тяжелоатлетов. Многим казалось, что победить его невозможно. Но Юрий Власов решил иначе и через некоторое время поднял больше Андерсона. А теперь наш богатырь Василий Алексеев поднимает больше Андерсона на 110 килограммов. Наши тяжелоатлеты сейчас сильнейшие в мире.

Тебе заниматься тяжёлой атлетикой пока рановато. Но ведь и все, даже самые знаменитые силачи в детстве ничем не отличались от своих сверстников и начинали с футбола и лёгкой атлетики.

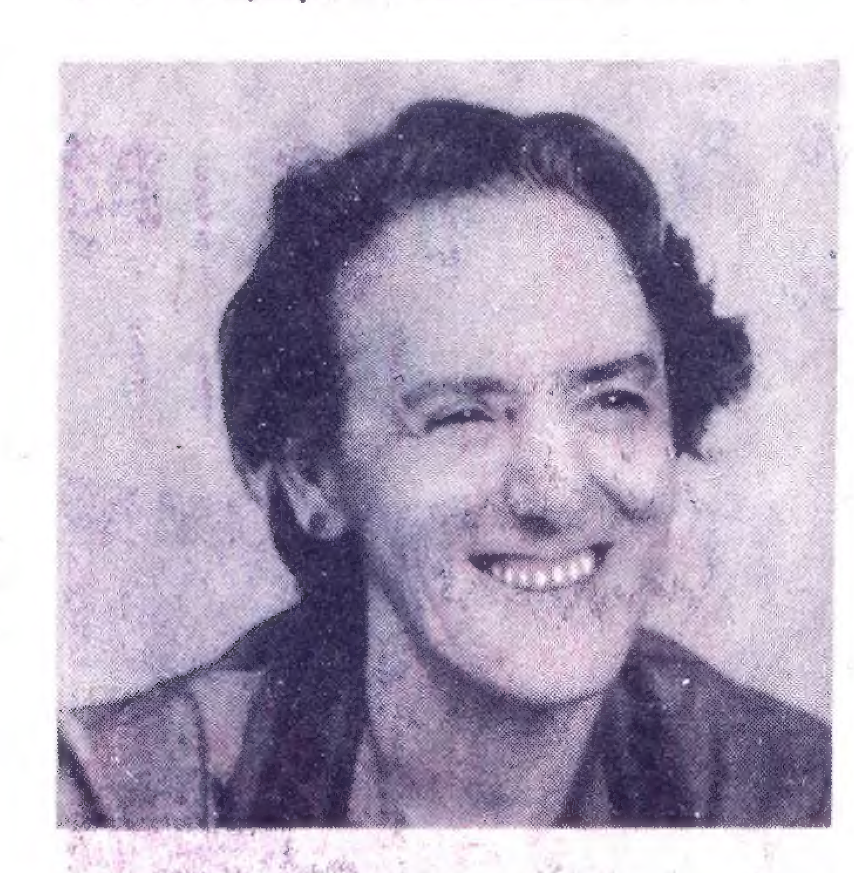

ДЕТЯМ НУЖЕН МИР

ФРИДА БРАУН

Фрида Браун живёт в Австралии, но дома бывает нечасто. Вместе с женщинами всей планеты она борется за мир, за счастье всех людей на земле.

В этом году Фрида Браун стала лауреатом международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Это очень высокая награда, и присуждают её только самым выдающимся, самым настойчивым борцам за мир.

Главным событием Международного года ребёнка станет Всемирная конференция «За мирное и счастливое будущее для всех детей». А состоится она у нас в Москве 7—11 сентября.

Со всего света съедутся участники конференции. Съедутся, чтобы обсудить, как защитить право каждого ребёнка на жизнь, на мир и счастье.

От нашей страны в конференции примут участие люди, которые заботятся о том, чтобы детство наших детей было мирным, здоровым и счастливым.

Вот и в гостях у «Мурзилки» сегодня педагог, врач, писатель — именно те люди, без которых нельзя представить себе детства в нашей стране.

А ещё у нас в гостях председатель Международной демократической федерации женщин Фрида Браун. Она представляет всех мам на земле.

Я хорошо запомнила день, когда мне исполнилось десять лет. И всё ещё храню поздравительную открытку, которую сделал отец специально для этого дня.

На открытке красивыми буквами было написано: «Нашей дорогой Фриде исполнилось десять лет». С фотографии, приклеенной на открытку, улыбались отец, мама и мои братишки: шестилетний Леон и малышка Рой, которому едва-едва исполнилось четыре года.

С тех пор прошло много лет. Мои братья постарели, стали дедушками, и я стала бабушкой. А кажется, что всё это — подарки, день рождения, открытка — было только вчера.

А ещё в тот день мне подарили крольчонка. Но, видно, малыша отняли у мамы-крольчихи слишком рано, и на следующий день бедняжка умер. Какое это было горе! Помню, как сидела на крыльце, крошечный зверёк лежал у меня на коленях, а я горько плакала и размазывала по щекам слёзы.

Наша семья переживала тогда тяжёлые времена. В стране разразился экономический кризис. Целый день отец скитался по городу с такими же безработными, как он сам, и отовсюду его гнали, потому что работы не было. Ох и натерпелись же мы лишений! Вдобавок ко всем бедам нас хотели вышвырнуть из дома — нечем было заплатить за квартиру. С грустью вспоминаю, как отец тайно от братишек заново раскрашивал старые игрушки. Так хотелось порадовать детей подарками к рождественским праздникам, а новые игрушки купить было не на что.

И вот теперь, когда я побывала во Вьетнаме, в Ливане, на Кипре и своими глазами увидела несчастных маленьких мальчиков и девочек, родители которых были убиты или изгнаны из домов, вспомнила своё детство. Бедные, голодные, мы, по крайней мере, были все вместе. А вместе легче переносить и голод и нужду.

Я подумала о своей дочери, о внучонке... И сердце моё сжалось от тревоги за них — страшно подумать, что война делает с детьми!

Вам, читатели «Мурзилки», желаю вырасти счастливыми. Уверена, что все вы славные ребята и хорошо учитесь. Получайте и впредь хорошие от-

метки! Я, ребята, очень рассчитываю, что вы поможете нам, взрослым, получше подготовить Всемирную конференцию «За мирное и счастливое будущее для всех детей». Состоится она в Москве в сентябре. Лучших из вас пригласят на эту замечательную встречу. Тут мы и познакомимся.

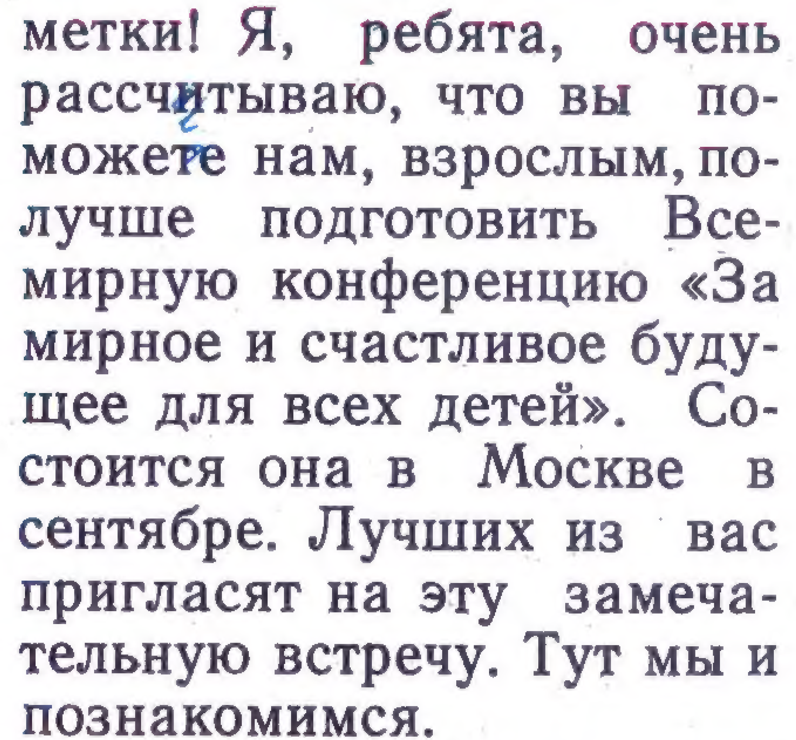
А самое горячее моё желание, чтобы все дети Земли жили и росли в мирном и добром мире. Лучше, чем словами песни, об этом и не скажешь:

Пусть всегда будет солнце!

Пусть всегда будет небо!

Пусть всегда будет мама!

Пусть всегда буду я!

КАК Я БЫЛА ДЕВОЧКОЙ

С. ЛЫСЕНКОВА

Знаете, сколько в Москве учителей? Около тридцати тысяч! А Софья Николаевна Лысенкова среди них — одна из лучших. Она отличница — за свою работу Софья Николаевна была награждена значком «Отличница народного образования». Она придумала новую методику, новый способ обучения. У неё в классе нет отстающих, а значит, и нет слёз, нет огорчений, зависти, нет обид. Учиться у неё весело и интересно...

Москва огромна, словно целое государство. Сейчас я живу «за горами, за долами, за далёкими Филями». И чтобы добраться на Бутырскую да Вятскую улицы, мне надо потратить часа полтора. Но всё же я каждый год обязательно отправляюсь туда — пройти теми же путями, завернуть в те же дворы, где сорок пять лет назад каталось с самодельной ледяной горы, шагало в школу, играло в двенадцать палочек и лапту, бегало босиком моё детство.

Бутырская улица — сплошная река ревущих машин, дома теснятся один громаднее другого. А тогда и домики были куда скромнее, и машины...

Пробежит по мостовой, как редкость, как событие.

Многое-многое переменилось. Но одно здание стоит всё таким же, как прежде, — наша школа. Вот она. Как же мы гордились, что учимся именно здесь, в Белой школе. Хотя особых заслуг наших в том не было, а просто повезло, что жили рядом.

Белая была знаменита на весь наш огромный район, что раскинулся от Тимирязевского парка до Савёловского и Рижского вокзалов. Чем же она была так знаменита? Тем прежде всего, что другие школы в большинстве деревянные, а наша — каменная! Построенная в советские годы.

Детство, школа... Здесь мы узнавали о героях первой пятилетки, и о подвиге папанинцев, и о перелётах Валерия Чкалова. Тридцатые легендарные годы — жизнь Москвы, жизнь всей Советской страны менялась прямо на глазах...

Оглядываюсь назад, в

своё детство, и кажется, всё так было чудесно, так безгранично счастливо, что и не сказать... Ты вырастешь, повзрослеешь, и тебе так будет казаться...

Но я всматриваюсь пристальней, и не верится, как много в детстве у меня было трудных минут. А всему виною мой застенчивый характер. Он несказанно портил мне жизнь! Появляется в доме новый человек, я сижу надутая, как мышь на крупу. Человеку делается неловко: может, что не так сказал... «Послушай, Соня...» А я вдруг срываюсь с места, убегаю — совсем уж худо. Я понимаю это и реву от досады, стыда, а поделать с собой ничего не могу. Как дурочка какая-то!

Из-за этой своей стеснительности я ни разу не была в пионерском лагере. Через много лет, став учительницей, взрослой, я много ездила в лагеря. И была счастлива, как пионерка. И с огромной грустью понимала, чего я лишилась в детстве. Но уж ни поправить ничего, ни исправить — в десятилетнюю назад не превратишься!

Я даже чуть самой жизни не лишилась однажды...

Вдвоём с моей подружкой Любой Качевской мы пошли купаться на Тимирязевский пруд. Люба плавала хорошо. А я совсем не умела, потому что стеснялась просить, чтоб поучили, а потом стеснялась сказать, что стеснялась попросить...

В общем, Люба поплыла. И я за ней — будто бы плыву: одной ногой по дну подпрыгиваю, другой по воде бултыхаю. И вдруг — яма. Вот уж тут я бултыхнулась!

Люба едва сумела меня вытащить, и я долго плакала на берегу — от испуга, от досады на себя...

Застенчивой быть плохо. Так, значит, надо бойкой становиться, вылезать вперёд всех? Как-то пришла ко мне одна мама:

— Посоветуйте, Софья Николаевна, как же мне всё-таки Лену мою воспитывать — скромной или наоборот?

И я задумалась: что ответить? Застенчивый очень трудно живёт. А сильно

бойкий? В жизни нередко бывает так, что иной, не всегда правый, пробьётся своим бойким языком, а то и кулаком.

Как же быть? Прочь нахалов — это ясно. Однако прочь и излишнюю будто бы скромность, ведь под нею спрятано себялюбие.

Теперь, прожив на свете больше пятидесяти лет, я скажу так: я за скромность, которая умеет взглянуть на себя с дружеской и чуть ироничной улыбкой. И ещё, главное: я за такую скромность, которая решительно идёт в бой, когда дело касается важного — твоих взглядов, правды.

Скромность и принципиальность, они должны жить в душе человека, как родные сёстры.

УЧИМСЯ УЧИТЬСЯ, УЧИМСЯ ТРУДИТЬСЯ

С. ПОГОРЕЛОВСКИЙ

Слава
Лётчикам в полёте —
Тем, кто в небе
На работе!
Слава
Тем, кто у печей, —
Нет работы горячей!

Трактористу —
Слава в поле,
А твоя работа —
В школе.
Труд твой
Тоже на виду.
Слава
Честному труду!

Литография З. ПОЗДНЯКОВОЙ

О МОЁМ ДЕТСТВЕ

Герой Социалистического Труда, академик Академии педагогических наук, лауреат Ленинской и Государственных премий, лауреат международной польской премии имени Я. Корчака, международной болгарской премии «Хитрый Пётр», кавалер международного польского «Ордена улыбки» — все эти звания и награды принадлежат С. В. Михалкову, любимому поэту взрослых и детей.

Сергей МИХАЛКОВ

Многие взрослые в детстве рисовали, писали стихи, играли в школьном театральном кружке, но ни художниками, ни поэтами, ни артистами впоследствии не стали. Автор этих строк мог стать геологом или освоить какую-нибудь другую профессию, однако стал писателем.

— Почему вы стали писателем?

— Когда вы написали первое стихотворение?

— Что нужно для того, чтобы стать поэтом?

— Почему вы пишете для детей?

Десятки подобных вопросов задают мне в разных аудиториях.

Вспоминаю себя книгоношей. Мне двенадцать лет. Я хожу по домам подмосковного посёлка Жаворонки и предлагаю приобрести брошюру под названием «Что нужно знать крестьянину - птицеводу». Брошюра издана Книгосоюзом. Автор её — мой отец Владимир Александрович Михалков.

В первые годы становления Советской власти разрушенное народное хозяйство страны нуждалось в честных и образованных специалистах. Во главе агротехнической службы молодой организации Птицеводсоюза встала соратница В. И. Ленина — Маргарита Васильевна Фофанова. В числе её ближайших сотрудников оказался и мой отец.

Однажды мы получили из-за границы, кажется из Лондона, оригинальную посылку: в ней лежал упакованный в вату десяток крупных яиц. Яйца поделили между курами-наседками. Три яйца оказались «болтунами», зато из остальных вывелись... утята! Это были предвестники ставшей потом столь популярной у нас в стране породы яйценоских уток «индийский бегун», ярым поклонником и пропагандистом которых был мой отец.

Моя мать, Ольга Михайловна Михалкова, женщина безгранично добрая, мягкая и беззаветно преданная семье, в прошлом была сестрой милосердия, некоторое время учительствовала, а затем целиком посвятила себя мужу и детям. Семья наша, насколько я себя помню, жила очень скромно — всегда на что-то недоставало денег, и матери хватало забот: надо было воспитывать меня и моих младших братьев — Александра и Михаила, помогать отцу в его неутомимом изобретательстве всевозможных механических кормушек и других приспособлений для разведения домашней птицы. Большую часть своих гонораров отец тратил на свои изобретения.

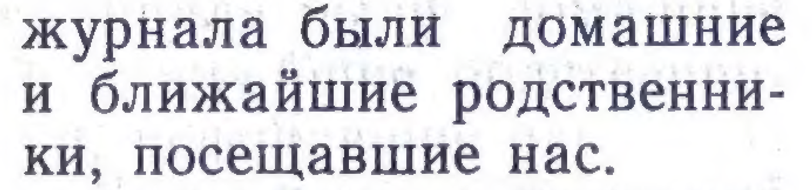
Жили мы круглый год на даче, занимая первый этаж дома, одиноко стоявшего в запущенном парке. Ходить в школу было далеко, и поэтому первоначальное образование я получил в семье.

В обычную школу я пошёл с четвёртого класса.

Отец познакомил меня со стихами Маяковского, Есенина, Демьяна Бедного. Влияние именно этих поэтов наиболее сильно сказалось на моих детских поэтических опытах. Но больше всего я любил сказки Пушкина, басни Крылова, стихи Лермонтова и Некрасова.

Писать стихи я начал рано. Коротая вечера, я выпускал домашний «литературно - художественный» журнал, был одновременно и редактором, и художником, и единственным автором этого издания. Читателями этого

журнала были домашние и ближайшие родственники, посещавшие нас.

Домашние публикации меня не удовлетворяли. Я мечтал напечататься понастоящему.

В 1930 году по окончании пятигорской школы 2-й ступени имени 25-го Октября я решил начать самостоятельную жизнь...

— Больше всего ты любишь писать стихи. Пробуй свои силы. Учись дальше. Работай над собой. Может быть, со временем из тебя что-нибудь путное и выйдет. Но главное, чтобы из тебя вышел человек! — напутствовал меня отец, провожая в Москву.

С 1933 года я стал более или менее часто печататься в столичной прессе. Мои стихи появлялись на страницах «Огонька» и «Прожектора», на газетных полосах «Известий», «Комсомольской правды», «Вечерней Москвы», «За коммунистическое просвещение».

На примере собственной литературной судьбы у меня сложилось представление о том, что большинство людей родится с задатками каких-либо способностей. Важно только, чтобы среда, в которую попадает человек, способствовала их выявлению. Любая способность может превратиться в дарование, если её вовремя доброжелательно заметить, точно направить и разумно поддержать.

ЛЮБЛЮ РАБОТАТЬ С ДЕТСТВА

С. ДОЛЕЦКИЙ

Станислав Яковлевич Долецкий тридцать лет работает детским хирургом. Он профессор, член-корреспондент Академии медицинских наук СССР. В институте усовершенствования врачей заведует кафедрой детской хирургии. Маленькие пациенты почти совсем не боятся операций, если их делает добрый друг мальчиков и девочек Станислав Яковлевич.

Никогда не поверю, что бывают ребята, которые ничего не боятся. Спросите себя: «Чего я боюсь?» — и каждый из вас, если постарается быть честным, найдёт что-нибудь. Когда я учился в первом классе, я боялся темноты. Тёмного парадного. Тёмной комнаты. Тёмного леса. Много лет спустя, когда я уже был врачом-хирургом на фронте и во время операции разорвался недалеко вражеский снаряд и погас свет, я испугался не только за того раненого, которому мы делали операцию, не только ждал, что упадёт второй снаряд и попадёт обязательно в нас. Нет! Наверное, я также испугался темноты, которую не люблю с детства.

Недавно один знакомый мальчишка из второго класса «Б» задал мне интересный вопрос. «Скажите, пожалуйста, — спросил он, — какие привычки, которые у вас были в школе, вам сегодня помогают, а какие мешают?» Вопрос этот оказался очень трудным. Сейчас расскажу вам, почему трудным.

Очень я любил фантазировать. Лежу перед сном и мечтаю. Полечу далеко-далеко на дирижабле. А он испортится. Газ из него весь выйдет. И он сядет в лесу. На полянке. А из лесу выйдет громадный медведь. Все испугаются. Заплачут. Только я один достану свой пистолет. Громко выстрелю. И медведь убежит. Меня начнут хвалить... Когда я стал взрослым, обучился на хирурга и начал оперировать детей, то оказалось, что моя привычка фантазировать мне очень помогла. Нужно было придумывать новые операции. Или инструменты. И мы с моими товарищами фантазировали, и кое-что нам удавалось.

Когда я учился в первом классе, мы с мамой жили вдвоём. Она училась в институте инженеров транспорта. Она хотела проектировать электровозы. В институте ей задавали много разных заданий: она читала толстые советские и иностранные книги, много чертила чертежей. А на хозяйство у неё времени не хватало. Должен сказать, что домашнее хозяйство тогда было гораздо более трудным, чем сегодня. В Москве вода в кранах была только холодная. Даже зубы мыли, когда чистишь их утром и вечером порошком. В субботу мы устраивали ванну. Для этого нужно было напилить и наколоть дров. Истопить колонку, в которой грелась вода.

Чтобы подогреть чай или суп, нужно было зажечь керосинку. Но вначале сбегать в магазин — он назывался керосиновая лавка, — купить бидон керосина. Тепла керосинка давала немного, и чай закипал довольно медленно.

Кстати, на керосинке мы разогревали утюги, чтобы погладить бельё. Одним гладишь, а другой греется.

Мне не хочется рассказывать о многих домашних делах: чистке ботинок, штопке носков и чулок. Но замечу, что именно в эти годы я привык всё время что-нибудь делать. Даже когда мы включали радио — это было особенно приятно, когда передавали любимые оперы: «Пиковую даму», «Евгений Онегин», «Риголетто», «Кармен», — я старался делать работу «техническую»: помогал маме подчищать чертежи острой бритвой или ластиком, чистил наждаком ножи и вилки, чтобы они красиво блестели.

Но вот прошло много лет. И эта привычка к работе у меня сохранилась. Иногда позвонит кто-либо из друзей, позовёт в гости. А я думаю: «Все ли дела я переделал?..» И если не очень устал, отвечаю: «Прости меня, но у меня ещё куча несделанных дел. Давай увидимся в другой раз...»

Правильно ли это? Правду ли я говорю? Наверное, правду. Но имеется один маленький пунктик, который я говорю не всем. А вам, ребята, могу сказать. Просто я очень люблю работать. Она — всякая, разная работа — доставляет мне удовольствие. А я привык к этому в ваши годы. В первых классах школы.

Хорошо это? Так нужно жить? Или иначе? Вот здесь я вам ответить не сумею. Я знаю многих людей, которые многие часы проводят перед телевизором. Или сидят с друзьями, спорят. Едят много вкусной пищи. Или просто ходят в кино и театры. Через день — куда-нибудь. Лишь бы не сидеть дома. Правильно они поступают? Хорошие ли они мастера своего дела — рабочие, крестьяне, инженеры или врачи, — я не знаю. Но твёрдо я знаю одно. Любое дело нужно стараться делать хорошо. Любить его. И именно от этой работы получать удовольствие...

ГЕЛЬМУТ ЦЕНКЕР

ДРАКОН МАРТИН

Перевёл с немецкого М. ХАРИТОНОВ

Рис. Б. КАЛАУШИНА

Продолжение

Шёл дождь, и Мартину делать было нечего. В такую погоду люди не ходят в парк и не катаются по Пещерной железной дороге. Однако хозяин этой дороги, господин Долежал, всё продолжал сидеть в будке, где находилась касса. Должно быть, надеялся, что дождь скоро пройдёт.

Вообще-то летом в Парке отдыха сплошное веселье. Но если говорить про Пещерную железную дорогу господина Долежала, ничего особенного там не увидишь. Просто Мартин тащит за собой по рельсам через искусственные пещеры шесть вагончиков. Вдоль пути на небольших сценах видны освещённые фигуры: Красная Шапочка и Волк, Спящая царевна, Снегурочка, Генцель и Гретель, Дядюшка Даговерт и Щелкунчик.

Работать здесь невелико удовольствие. Но дракон должен радоваться, если он вообще нашёл себе работу. Мартин служил у господина Долежала уже пять лет. Каждый раз перед наступлением зимы господин Долежал его увольнял: на зиму Пещерная железная дорога закрывалась. И тогда Мартин просто оставался без работы. Зимой подыскать себе другое место было ещё трудней, чем летом. Прошлую зиму, например, Мартин просто решил проспать.

— Пойду, пожалуй, домой, — сказал Мартин.

— Рано ещё, — ответил господин Долежал, даже не взглянув на него. Он был занят подсчётом сегодняшней выручки.

— Дождь кончится не скоро, — сказал Мартин.

— Мало ли что, — возразил господин Долежал. — Подождём немного ещё.

С драконом он никогда много не разговаривал. И не любил отрываться от подсчёта выручки. Это было его любимое занятие. А вторым его любимым занятием была еда. Особенно господин Долежал любил мясо пожирнее и торты. Недаром он был такой толстый, что вынужден был сидеть на двух стульях вместо одного.

С другой стороны улицы подошёл Георг. У него работа была такая: он должен был целый день сидеть на крыше Дороги привидений, делая вид, будто вот-вот ринется оттуда на людей. В его обязанности также входило не меньше трёхсот раз в час вращать глазами и разевать пасть. Дорога привидений принадлежала господину Виммеру, человеку долговязому и тощему.

— Пошли домой? — позвал Георг.

— Меня ещё не отпускают, — сказал Мартин.

— А что ты скажешь, если я сейчас запалю Долежалу эту его будку? Подействует на него, как ты думаешь?

Он даже разинул уже пасть и принялся вращать глазами.

— Не зарывайся, — напомнил ему Мартин.

— Ну да, — вздохнул Георг. — А задумано неплохо.

Мартин постучал по стеклу кассовой будки.

— Я в самом деле пошёл домой, — сказал он решительно.

Долежал даже не шевельнулся на своих двух стульях, продолжая подсчитывать вы-

ручку. Он и мысли не допускал, что Мартин может уйти без его разрешения.

— Счастливо оставаться, — сказал Мартин.

— Да, да, — пробурчал Долежал, даже не подняв головы.

* * *

Франци и Шурли вошли в комнату, служившую им и гостиной и столовой, потому что кухня у них была очень маленькая. Папа уже несколько минут как вернулся домой. Он сидел, как всегда, в кресле, положив ноги на трёхногий стульчик.

Телевизор был уже включен (тоже как всегда).

— Как успехи, как делишки? — проговорил папа, не отрывая от телевизора взгляда, хотя там показывали всего лишь рекламу. — Всё в порядке?

— В порядке, — ответила Франци. Папа каждый день задавал один и тот же вопрос, и она уже сомневалась, вправду ли его это интересует.

Они с Шурли сели за обеденный стол.

— Ну что, — сказал папа, по-прежнему не отрывая взгляд от экрана, — опять сегодня скучали?

— Нет, — сказал Шурли. — Сегодня нет.

— Мне никогда не бывает скучно, — провозгласил папа с гордостью. Он и не услыхал, что Шурли сказал «нет». — Я даже не понимаю, что это такое.

Франци переглянулась с братом. Эти лекции они уже знали наизусть.

— А мы сегодня познакомились с новыми друзьями, — сказала Франци.

— Вот как? — Папа повернулся к детям и вдруг спросил тоном следователя: — Как их зовут?

— Георг и Мартин, — ответила девочка.

— И что это за ребята?

— Это не ребята, — сказал Шурли. — Это драконы.

— Ага, — сказал папа, который опять ничего не услышал, потому что как раз в этот момент по телевизору началась передача «Кулинарные рецепты». Тут он вспомнил, что до сих пор не получил еды.

— А где еда? — крикнул он в кухню.

— Сейчас несу, — откликнулась мама.

Она быстро вошла в комнату и подала папе его тарелку с золотым ободком. Папа всегда ел, сидя в кресле перед включённым телевизором и положив ноги на фортепьянную табуретку. А Франци, Шурли и маме положено было сидеть за столом.

Когда мама вошла в комнату с тарелками для Франци и Шурли, папа уже поднял пустую тарелку.

— Опять то же самое, — сказала мама. — Ты снова испачкал рубашку, потому что не желаешь есть за столом.

— Спокойствие, — остановил её папа движением вилки, которую держал в руке. — Послушай-ка лучше этого повара. Тогда будешь знать, что приготовить нам на завтра.

— Что там у него? — заинтересовалась мама.

— Мясо на гриле, — сказал папа.

— Но у нас нет гриля, — заметила мама. — Купи мне сначала гриль.

— Я не мешок с деньгами, — ответил папа.

Мама выключила телевизор и опять уселась за стол.

— Ну, как успехи, как делишки? — приступила теперь и она.

* * *

Дом у драконов не особенно большой. Как раз хватало на Георга и Мартина. Сейчас они оба сидели на веранде перед домом. Вид отсюда был неплохой: ведь драконы жили на краю города. Дождь всё никак не кончался. Георг вздремнул с книгой в руках. Так уж у него получалось, что от чтения он всегда засыпал.

Из дома послышался телефонный звонок. Звонил господин Долежал. Он ругался вовсю за то, что Мартин сегодня ушёл домой так рано.

— Но ведь дождь всё идёт, — оправдывался Мартин.

— Не имеет значения! — рычал господин Долежал. — Я же не позволил!

— Послушайте... — начал Мартин, но господин Долежал не дал ему договорить.

— Я вычту у тебя из зарплаты! — орал он так громко, что Мартину пришлось отодвинуть телефонную трубку от уха. — За это ты завтра начнёшь работать на час раньше! Понятно?

И тут Мартин сказал:

— Раз вы на меня кричите, я к вам вообще больше не приду.

Он сказал это тихо и совершенно спокойно.

— Что? — переспросил Долежал.

— Больше вообще не приду, — повторил Мартин.

На этот раз он не дал господину Долежалу ответить ни слова. Пусть себе рычит и ругается как хочет — Мартин повесил трубку.

— Кто это был? — спросил Георг. Он глядел на брата, полузажмурясь.

Мартин и ответить не успел: Георг опять спал.

С самого начала, то есть уже пять лет, господин Долежал говорил Мартину «ты». А Мартин должен был всегда отвечать ему «вы» и «господин». «Я всё-таки на четыреста лет старше», — подумал Мартин.

* * *

Драконы завтракали. По радио передавали прогноз погоды на сегодня: тепло, солнечно. Затем женский голос предложил заняться гимнастикой. Но гимнастика — это было занятие для людей. Мартин как-то попробовал делать зарядку под радио. Кончилось всё растяжением крыла.

Допив третью чашечку кофе, Георг наконец встал и направился к дверям. У порога он оглянулся на Мартина. Тот и не думал подниматься.

— Ты собираешься остаться дома?

Мартин не отвечал.

— Не хочешь же ты, чтобы Долежал тебя уволил?

— Я уже написал ему письмо, — сказал Мартин и показал большой запечатанный конверт.

— Что за письмо? — удивился Георг. — Кому?

— Господину Долежалу, — ответил Мартин. — Я ухожу с работы.

Георг прикрыл дверь и опять вернулся к столу. Сел и налил себе ещё чашечку кофе.

— Что случилось? — спросил Мартин.

— Я тоже никуда не пойду.

Теперь удивился Мартин:

— Но ты-то почему? Тебе Виммер вчера из-за дождя разрешил уйти пораньше.

— Ну и что? — сказал Георг. — Думаешь, он лучше твоего Долежала? Я вынужден работать без единого перерыва. Целыми днями сижу на крыше Дороги привидений. Всё, теперь этому конец! Он даже поесть мне во время работы не разрешает. Я, видите ли, должен пугать людей. А дракона, который жуёт самый обычный хлеб, никто не станет бояться. Нет, господин Виммер тоже получит письмецо. От меня.

— Но ты же не умеешь писать, — напомнил Мартин.

Георг на мгновение растерялся, однако тотчас нашёлся:

— А ты на что? Ты писать умеешь? Вот и напишешь для меня.

Он подошёл к столу и взял шариковую ручку.

— Прямо сейчас? — спросил Мартин.

— Конечно, — сказал Георг.

Он сделал погромче радио, по которому как раз передавали музыку, и пустился по комнате в пляс.

— И что мы будем делать дальше? — спросил Мартин.

С этими словами Мартин прикрыл глаза. А когда он их снова открыл, то увидел в саду вчерашних детей.

— Доброе утро, — сказали оба почти в один голос.

— Доброе утро, — удивился Мартин. — Вы же собирались прийти вечером.

— Мы проходили мимо, — объяснила Франци, — и просто захотели посмотреть, вправду ли существует ваш дом.

— Драконы никогда не лгут, — сказал Мартин. — Во всяком случае, почти никогда.

Он пригласил обоих в дом. Георг сразу отправился на кухню ставить чай.

Детям жильё драконов понравилось.

— Хороший дом, — одобрил Шурли.

Мартин почувствовал себя польщённым. Он принёс Шурли и его сестре коробку со своими любимыми пластинками. Потом достал из верхнего ящика стола удостоверение. На нём наклеена была фотография и проставлено имя: Мартин ДРАКОН.

— Надеюсь, у вас теперь нет никаких сомнений? — сказал Мартин.

Шурли кивнул.

Георг принёс из кухни чай. Дети уселись. Правда, на кресла им пришлось вскарабкиваться, как на деревья. Они были для них слишком высоки.

За чаем Мартин разговорился о том о сём. Георг кивал, жмуря глаза. Но стоило Мартину замолкнуть, как Франци вдруг спросила:

— А как вас можно освободить?

Мартин поперхнулся и закашлялся.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу узнать, как вас можно освободить, — повторила она. — Наверное, достаточно поцелуя.

— Какого ещё поцелуя?

— Но ведь драконы — это обычно заколдованные принцы, — сказала девочка.

— Что за вздорные книжонки вы читаете? — фыркнул Георг.

— Уже поздно, вы не идёте сегодня на работу? — спросила Франци, меняя тему разговора.

— У нас сегодня выходной, — ответил Георг.

Продолжение в следующем номере

Велико было желание античастицы Жоры отомстить Мурзилке и частицам. И Жора рискнул.

Напряг он голову. И пришла в голову Мысль. Издалека, долго шла Мысль, устала.

— Значит, так, — сказала Мысль Жоре. — Нам нужно поссорить электроны с ядром атома — протонами и нейтронами. Самое

СОН ДЕВЯТЫЙ

ЖОРИНА МЫСЛЬ

лучшее, если электроны вообще перестанут с ними водиться, покинут атом. И это можно сделать... — Мысль помедлила, — ...если хорошенько ударить ядро атома — из него полетят электроны. (1)

— Ну да, — хмыкнул Жора, — это где же ты найдёшь частиц, которые согласятся, чтобы ими пуляли? Надо придумать что-нибудь другое.

Картина, которую можно было наблюдать на следующее утро, казалась немножко средневековой. Старинная медная пушка мрачновато поглядывала тёмным отверстием на детскую площадку. Но возле пушки лежала не кучка ядер и не какие-нибудь там горшки с зажигательной смесью, а горка игрушечных машинок и маленьких кукол.

Кряхтя и отдуваясь, Жора стал разворачивать пушку и в это время почувствовал в голове лёгкое шевеление.

Это проснулась Мысль и бодро приступила к делу.

— Значит, так, — Мысль хлопнула ладонями и потёрла их, — напоминаю. Обычно при бомбардировке ядра атома частицы-снаряды разгоняют до большой скорости. Для этого существуют специальные устройства (2) Ну, мы-то шарахнем не частицами, так что наше устройство попроще.

...Обычное оживление было на детской площадке. Мурзилка, Шиворот-Навыворот, электроны и протоны — все играли в «колдунчики». Даже нейтроны Костя и Толя на время оставили свои занятия.

Вдруг невдалеке раздался грохот, нарастающий свист, и на площадку посыпались яркие игрушечные машинки и маленькие куклы.

«Колдунчики» мигом вылетели из головы ребят. Расталкивая друг друга, все бросились поднимать неожиданные подарки.

Странный, однако, способ мести придумал Жора.

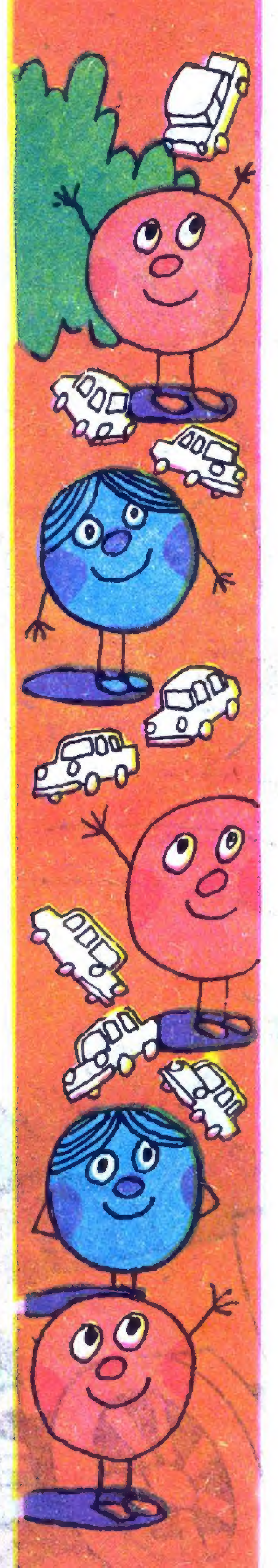
Тем временем обнаружилось, что не все игрушки одинаковы. Одним мальчикам достались хрупкие и простенькие пластмассовые машинки, другим же ярко раскрашенные машинки из металла, с резиновыми шинами.

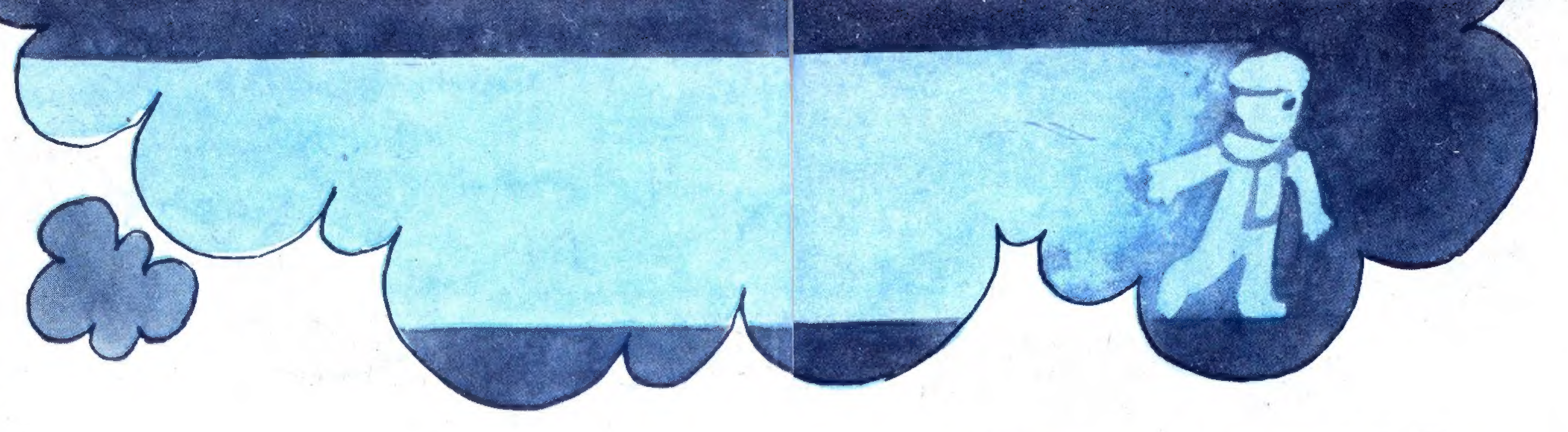
У одних девочек-протонов были обыкновенные голышки, у других же куклы были одеты в нарядные платьица и сарафанчики.

(1) Такое действительно бывает. Ученые обстреливают ядра атома ядрами другого атома. При ударе нейтрон распадается или, если хотите, разлетается на мелкие части — на протон, на электрон и на нейтрино.

2

Современный ускоритель элементарных частиц — синхрофазотрон — гигантская круглая, вроде бублика, машина. Частицы бегают внутри этого бублика и разгоняются до огромной скорости — почти до скорости света.

Нет, никто не стал завидовать. Ну, разве только чуть-чуть.

Но вот снова что-то сверкнуло, грохнуло, и на площадку посыпалась новая партия игрушек.

Те, кому не повезло в первый раз, энергично толкаясь и стукаясь головами, бросились на землю. Быстрее всех бросился Шиворот-Навыворот. Мурзилка стоял в стороне, встревоженно наблюдая за происходящим.

Зато какие славные машинки получили те кто не мешкал! У них открывались боковые дверцы, капот и багажник — в нём лежало запасное колесо и чемодан. Чемодан тоже открывался — в нём был набор миниатюрных машинок, в которых, открыв багажник, можно было обнаружить запасное колесо и маленький чемоданчик. И в нём был набор крошечных машинок...

Куклы же, если их наклонить, закрывали глаза.

Новые счастливцы не могли, конечно, удержаться. Лишь немножечко ехидной была у них улыбка. Лишь чуть-чуть высовывали они язык, показывая его неудачникам. И настоящая зависть стала появляться у неудачников.

Когда раздался новый выстрел, стук голов был такой, будто начали партию в бильярд. Возникла потасовка.

Напрасно Мурзилка призывал успокоиться — его никто не слушал. Ведь наградой победителям были автомобильчики, которые по желанию ездили, прыгали, плавали, летали, зарывались в землю. Пластмассовые же куклы двигались как живые и даже разговаривали.

Из самой середины свалки Мурзилка вытащил «племянника».

— Ты что, разве не видишь, что всё это начинает напоминать?

— Чего? — медленно приходил в себя Шиворот-Навыворот.

— Чёрную Дыру!

Тем временем на площадке установилась тишина. Лишь изредка она прерывалась всхлипыванием побеждённых и радостными возгласами победителей. Несколько электронов обиделись и ушли с площадки.

— Нужно срочно что-то придумать, — Мурзилка был сильно взволнован. — Как бы пробраться к пушке и обезвредить ее?

— А что, если... — Шиворот-Навыворот наморщил лоб, — попробовать шапку-невидимку?

— А ведь это мысль! — оживился Мурзилка. — Только давай быстрее.

— Царь, царица, клоп, мокрица! — проговорил «племянник».

Щелчок — и у него в руках появился головной убор. Это была довольно кокетливая шляпка.

— Да что я, девчонка, что ли! — и он вновь прошептал заклинание.

Шляпка дёрнулась, исчезла — и появилась шапка-ушанка.

— Запаришься в ней в такую жару, — недовольно пробурчал Шиворот-Навыворот.

Мгновение — и в руках у него оказалась замшевая кепка.

— Вот только не знаю, пойдёт ли она мне. — Шиворот-Навыворот достал небольшое зеркальце, посмотрел на себя с одного и другого бока и осторожно приладил кепку на макушку. Раздался неслышный хлопок, словно лопнул мыльный пузырь, — и «племянника» не стало.

— Чего это с зеркалом? Ничего не видно, — раздался из пустоты его негодующий голос. — Ах, ну да! — спохватился Шиворот-Навыворот. — Ладно, беру кепку. Как видимость? — поинтересовался он.

— Хорошая, — ответил Мурзилка.

— Как хорошая?! — обеспокоился «племянник».

— Ну, тебя не видно.

— Это значит, плохая видимость. Совсем не видно?

— Совсем. Тебя плохо не видно.

— Это называется хорошо не видно, — нравоучительно пояснил Шиворот-Навыворот. — Нет, не беру я её! — И он снял кепку.

— Ну, как знаешь! — не выдержал Мурзилка, вырвал шапку-невидимку и надел её...

Шиворот-Навыворот, потеряв Мурзилку, обескураженно двинулся к пушке один.

...— Видал? — сказала Жоре Мысль. — Сюда идёт. Сейчас начнётся заварушка.

— Какая заварушка? — занервничал было Жора, но затем успокоился. — А мы в него из пушки.

— Из пушки — это хорошо, — одобрила Мысль. — Неплохо бы ещё знать, где Мурзилка, в какую сторону стрелять. Впрочем, — она помедлила, — нам поможет пузырьковая камера. **3** Тащи ведро с водой, заряжай им пушку.

...Вспышка, грохот — всё вокруг заволокло густым туманом. Лишь широкая полоса прорезала серую пелену, выдавая, как у реактивного самолёта, движение Мурзилки. Полоса направлялась к пушке и была уже совсем рядом.

— Поздно. Пора сматывать удочки, — резюмировала Мысль и тут же покинула Жору.

Оценив обстановку, в тот же момент поспешно покинули его мужество и хладнокровие. Торопливо собралась душа и ушла в пятки.

Жора остался один.

Он затравленно оглядывался, искал, где бы спрятаться. Взгляд его упал на пушку.

— Ну, уж здесь-то меня никто не найдёт! — И Жора закатился в жерло.

Когда Мурзилка добрался до пушки, там никого не было. Лишь следы на земле да примятая трава.

— Опоздал, — сокрушённо сказал Мурзилка. Он оглядел пушку, подумал: «Красивая. Старинная». И развернул в сторону Антимолекулы. Раздался выстрел.

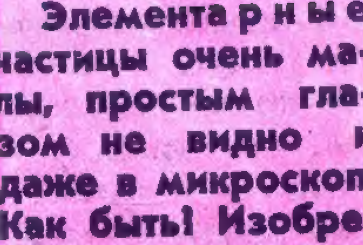
Так окончилась провалом, а вернее — взлетела на воздух, очередная попытка античастицы Жоры внести раздор в дружную семью частичек.

Мир в атоме был вскоре восстановлен.

Все поступили так, как предложил Мурзилка. Отдали свои игрушки в игротеку и по очереди стали ими играть.

Лишь Мурзилка, побывав на ветру в сыром тумане, простыл.

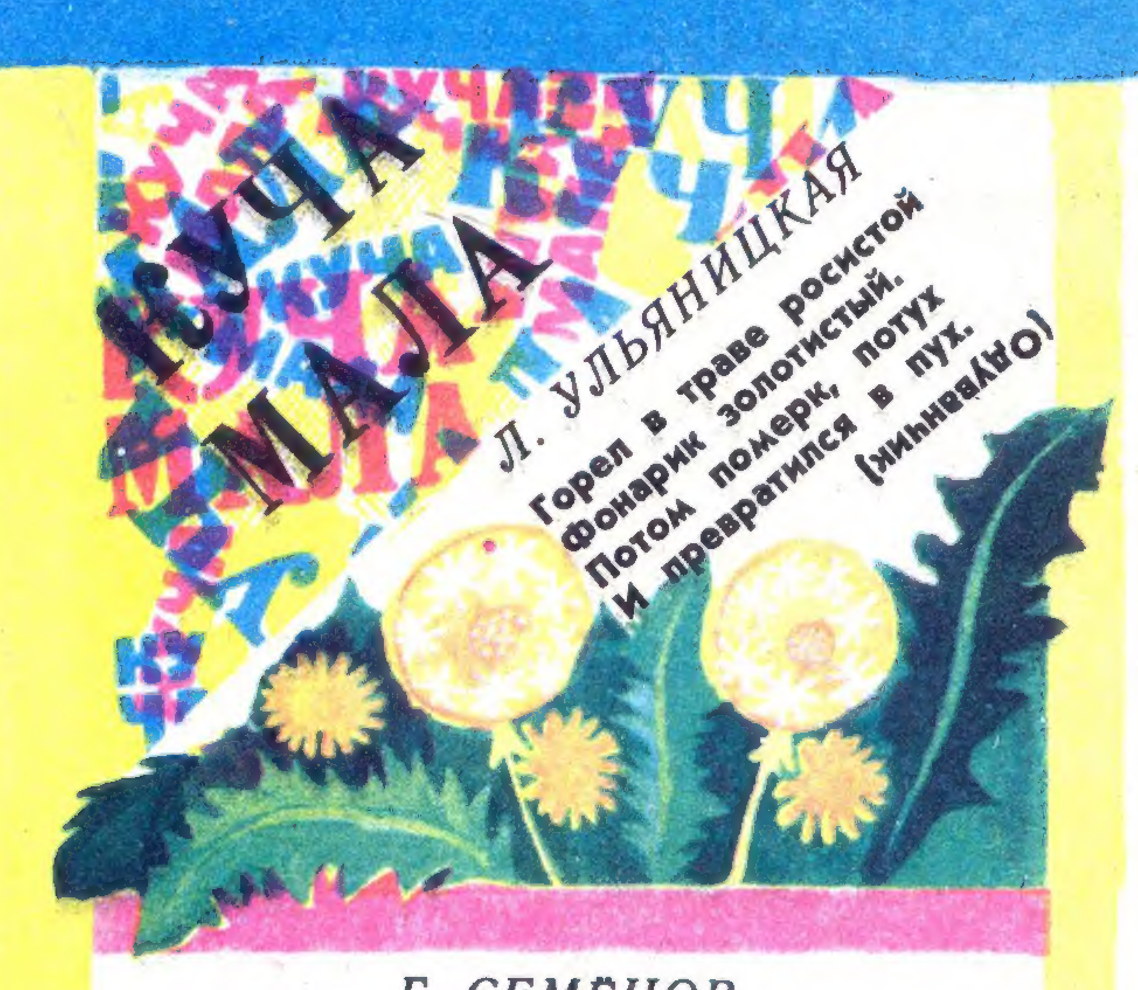
Картина получилась невесёлая. Тазы с тёплой водой и горчичники, полоскания горла и градусники были на той картине...

3

Элементарные частицы очень малы, простым глазом не видно и даже в микроскоп. Как быть! Изобрели пузырьковую камеру. Пролетая сквозь камеру, частица нагревает находящуюся там жидкость, образуются пузырьки — как раз там, где пролетела частица. Пузырьки хорошо видно.

Л. УЛЬЯНИЦКАЯ

Горел в траве росистой
Фонарик золотистый.
Потом померк, потух
И превратился в пух.
(Одуванчик)

Г. СЕМЁНОВ

Чудо-юдо, рыба-кит,
Сверху радуга горит.
Полюбуйтесь:
красота —
Два фонтана у кита.
Речку тащит
за собой
Чудо-кит...
по мостовой.
(Поливочная машина)

Хорошо ли дети собрались в школу?

ЦИРК! ЦИРК! ЦИРК!

Чем отличаются рисунки?

Г. ЛАГЗДЫНЬ

СКОРОГОВОРКА

Петушок
Прыг на
Порог:
Подари,
Пекарь,
Пирог!

Рис. Е. ГЛАДИКОВОЙ,
С. ДЕШАЛЫТ,
Д. МАХАШВИЛИ,
Г. СОКОЛОВА

В. МУСАТОВ

РЫЖИК

Под сосной,
В хвоинках рыжих
Не ищи весною рыжик.
Рыжий рыжик
Рыж не зря:
Рыжик —
Вестник сентября.

В. СТЕПАНОВ

У Розы
На фартуке
Вышиты
Козы.
У девочки
Тани —
Фартук
С китами.
У Лены —
Олени.
У Дины —
Дельфины.
А у Алисы —
Рыжие лисы.
И в каждом
Кармашке
Лежат
У детей
Конфеты...
Специально
Для этих
Зверей.

Слова К. ИБРЯЕВА
Музыка Ю. ЧИЧКОВА

НАТАШКА-ПЕРВОКЛАШКА

Сверкают багряные гроздья рябин,
Как сотни весёлых огней.
Сегодня я в школу иду не один,
А с младшей сестрёнкой своей.

Припев.

Сестрёнка Наташка
Теперь первоклашка,
Теперь ученица она.
И знает об этом
Вся улица наша,
И знает об этом
Вся наша страна!

И люди кругом улыбаются ей
И машут нам вслед на ходу.
И сам становлюсь я как будто взрослей —
Я в школу сестрёнку веду.

Припев.

И новое платье, и новый портфель
Ей очень к лицу, говорят.
Я первым открою ей школьную дверь,
Недаром ведь я старший брат.

Припев.

В номере — рисунки детей: Андре РУССЕЛЯ, Франция; Маши БАГИНОЙ, Москва; Алены БАЙЦУЦОВОЙ, ЧССР; Алёши ЛАЛЕТИНА, Москва; Мити ЧАЦКОГО, Москва; Марины ТИХОНОВОЙ, Ленинград; Торми СООВЯЛИ, Финляндия; Юлии ТЕКСЛОВОЙ, ЧССР.

Е. КУЗНЕЦ

ЗАДИРА

— Эй, петух, кто тебе
хвост выдрал?
— Барбос.
— А тебе, гусь, кто
хвост ощипал?
— Барбос.
— А тебя, котище,
кто потрепал?
— Барбос.
— А где же сам
Барбос?
— Вон, на цепи сидит!

Запутай
кошке
дорогу
к мышке.

ЖУРНАЛ ИЗДАЁТСЯ С МАЯ 1924 ГОДА

Главный редактор
В. МАТВЕЕВ

Редколлегия:
З. Александрова,
С. Алексеев,
А. Барто,
Н. Емельянова,
Е. Ершова
(зам. главного редактора),
Ю. Казаков,
М. Коршунов,
Т. Котницкая,
В. Лосин,
А. Митяев,
К. Орлова
(ответственный секретарь),
Е. Рачёв,
В. Чижиков

Редактор отдела художественного оформления
Г. Макавеева

Технический редактор
Г. Белова

Сдано в набор 13.07.79.
Подписано в печать 06.08.79.
Формат 84×108 1/16.
Печать офсетная.
Условн. печ. л. 3,36.
Уч.-изд. л. 4.
Тираж 5 800 000 экз.
Цена 10 коп.
Заказ 1156.

Адрес редакции журнала «Мурзилка»: 125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., д. 5а.
Телефон 285-88-77.

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Макет В. ШЛЯНДИНА.

Рисунок на обложке Павлины СВОБОДОВОЙ. Она победитель конкурса рисунков к году ребёнка среди ребят в ЧССР.

Рис. Е. ГЛАДИКОВОЙ

Индекс 70553 Цена 10 коп.

Кому какой платочек принадлежит?